

События происходят во время шестого тома пятой части (27 том по сквозной нумерации) и пятого тома четвёртой части (17 том по сквозной нумерации)

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Эта глава содержит спойлеры к части ранобэ, переведённой только Последователями Местионоры или рулейтом. Если вы читаете только в переводе novel.tl, вам не следует читать эту главу, вы словите спойлеры и ничего не поймёте.

***

— Прошло столько времени, но я наконец-то сделал это. Сегодня днём госпожа Розмайн разрешила мне присутствовать в потайной комнате директора приюта, наконец-то. Ну же, давайте все праздновать!

— Угу-угу. Поздравляем.

Вернувшись в комнату главного священника, я захотел разделить радость со своими служителями, но те лишь в непонимании склонили головы. Они не проявили никакой заинтересованности и совершенно не были впечатлены.

— Эм... господин Хартмут, вы хотите сказать, что вам всё ещё недостаточно доверяют, даже после того, как вы заменили господина Фердинанда на посту главного священника... Так?

— Имир, подумай хорошенько, прежде чем открывать рот, — сказал Лотар, прикрывая Имиру рот и одновременно улыбаясь ему.

Возможно, из-за юношеского возраста мысли Имира так и рвутся наружу. Я никогда не ругаю его, поскольку образ мыслей простолюдинов и служителей в чем-то схож с образом мыслей госпожи Розмайн. У них много интересных мнений.

С другой стороны, Лотар всегда корит Имира, говоря что-то вроде: «После того, как господин Хартмут покинет храм, его преемником станет другой дворянин, который, возможно, не стерпит подобных вещей». Он действительно добросовестный. Лотар несколько раз просил меня как его господина приструнить Имира, но я не был намерен тратить время на подобные вещи. Достаточно исполнять свой долг главного священника. Будут ли эти служители наказаны в будущем, меня не интересует. Мне нет ни малейшего дела до храма, в котором нет госпожи Розмайн.

— Я думаю, что Имир может быть прав. Несмотря на то, что я главный священник и посвятил ей своё имя, госпожа Розмайн доверяет мне меньше, чем Дамуэлю. Я изо всех сил стараюсь служить ей, но, возможно, я недостаточно восхваляю её?..

— Я думаю, что вы делаете это более чем достаточно.

— Вам ведь разрешили присутствовать в тайной комнате, не так ли? Не кажется ли вам, что это хорошая возможность завоевать большее доверие, чем Дамуэль?

Я несколько поразмыслил над тем, что сказали Курт и Гвидо. Госпожа Розмайн более осторожна, чем я ожидал. Господин Фердинанд сказал мне, что существует чёткая грань между теми, кто знает её секрет, и теми, кто не знает, и я думаю, что он прав. Интересно, смогу ли я сегодня войти в число тех, кто знает секрет?

— Смогу ли я пересечь черту, проведённую госпожой Розмайн... Возможно, настал исторический поворотный момент?

— Исторический поворотный момент?

— Да, видите ли, в моей жизни было уже немало поворотных моментов. Первый настал, когда я встретил госпожу Розмайн. Второй — когда Трауготта исключили из последователей в дворянской академии. И, наконец, третий — когда нам разрешили войти в храм.

Нет нужды пояснять, почему встреча с госпожой Розмайн является поворотным моментом. Тогда я коренным образом изменил свои взгляды на жизнь. Вопрос с Трауготтом тоже был важен. Я всего лишь пытался избавиться от нелояльного к госпоже Розмайн человека, но она резко высказалась против моего способа работы с информацией. Госпожа Розмайн ясно дала понять, что тот, кто не принимает во внимание волю своего господина, удовлетворяет только себя. Поворотным моментом стало и разрешение на вход в храм. Благодаря ему я понял разницу между служением госпоже Розмайн и другим членам герцогской семьи.

«И, хотя я не собираюсь никому об этом рассказывать, был и ещё один важный поворотный момент», — уже про себя отметил я.

Я поручил своим слугам закончить работу к послеполуденному собранию, а сам предался воспоминаниям. Это произошло осенью, менее чем через полгода после того, как я получил разрешение посещать храм. Тогда я был слишком самоуверен в себе: все вокруг говорили обо мне как о талантливом служащем-ученике и это вскружило мне голову.

***

После принятия брата Филины в приют я получил специальное разрешение на посещение храма, несмотря на то, что был несовершеннолетним. Это было удачным событием для меня, так как я хотел побольше узнать о жизни госпожи Розмайн до её крещения.

Я активно ходил по храму, расспрашивая служителей и служительниц о том, как госпожа Розмайн росла в храме. Но все относились ко мне настороженно, отвечая лишь отрывистыми фразами.

— Фран, я полагаю, что ты лучше всех знаком с госпожой Розмайн как её главный слуга здесь. Какой она росла в храме?

— Возможно, я знаю о храме, больше чем вы, но, полагаю, о храме, приюте, мастерской, ритуалах и дворянском обществе лучше всех осведомлён главный священник.

— Это не ответ на мой вопрос. Я хочу услышать о детстве госпоже Розмайн от тех, кто ближе всего к ней.

— Пожалуйста, обращайтесь непосредственно к главному священнику или главе храма. Мы, служители и служительницы, будем наказаны за любое неуважительное поведение по отношению к дворянам.

Во всём храме витало нежелание приближаться к последователям-дворянам. Когда я посетил мастерскую и приют, все молчали и отказывались смотреть мне в глаза. Я чувствовал их молчаливый призыв выйти вон как можно скорее.

«Не могу позволить, чтобы всё продолжалось в том же духе», — заявил тогда я сам себе.

Дворяне обычно приближают к себе последователей более высокого ранга, а нижестоящих держат на расстоянии. Однако госпожа Розмайн не делает никаких попыток отстранить Дамуэля, низшего дворянина, от роли главного рыцаря сопровождения. Даже когда мы, дворяне, получили доступ в храм, она всё равно продолжила поручать работу служителям и служительницам. Для таких служащих как я есть работа в храме, но она не доверяет её нам. Несмотря на то, что мы дворяне, наша единственная работа — это копирование личных книг или помощь главному священнику. Мы никак не задействованы в работе главы храма, и она не призывала нас помогать ей в повседневной жизни.

«Возможно, госпоже Розмайн нужно больше узнать об обычаях дворян?»

Кабинет директора приюта был заставлен неподобающей мебелью, а храм, где она проводила большую часть времени, был полон простолюдинов. Я подумал, что обстановку в храме нужно как можно скорее изменить, чтобы она лучше соответствовала положению госпожи Розмайн. Однако, когда я отругал торговца во время собрания, сказав ему, чтобы он «знал своё место», госпожа Розмайн рассердилась на меня, предупредив, что моё присутствие будет исключено, если я продолжу вмешиваться в её переговоры. Она была так зла, что цвет её глаз начал меняться, и я стал сомневаться в том, что я должен указывать здесь на ошибку.

— Корнелиус, тебя устраивает, что простолюдины разговаривают с госпожой Розмайн на равных?

— Неважно, устраивает меня это или нет, ауб дал своё разрешение. Если ты желаешь успеха новой отрасли герцогства, ты не должен вмешиваться в методы ведения дел Розмайн. Господин Фердинанд разберётся, если дело зайдёт слишком далеко.

— Но она уже поступила в дворянскую академию. Не пора ли последователям заменить его?

Корнелиус слегка усмехнулся.

— Будь осторожен, Хартмут. Если ты слишком недооценишь её связь с простолюдинами, ты можешь оказаться в том же положении, что и Трауготт.

— Трауготт?

— Розмайн сказала, что главной причиной отставки Трауготта было то, что он насмеялся над усилиями Дамуэля во время их разговора с магическим средством защиты от подслушивания. Она потеряла всякий интерес к проявлению доброты по отношению к нему.

Другими словами, госпожа Розмайн может запросто оборвать отношения с высшими дворянами, если они будут издеваться над низшими дворянами или даже над простолюдинами. Я уверен в своей преданности и навыках как последователя. Однако я не знал, что я могу быть изгнан за неуважительное отношение к простолюдинам, независимо от моих способностей.

«Абсурд».

Я стал посещать приют и мастерскую при каждом удобном случае. Вряд ли я когда-нибудь стану считать простолюдинов своими коллегами, но я чувствовал, что мы можем стать товарищами в прославлении величия госпожи Розмайн. Я постоянно рассказывал о благодеяниях госпожи Розмайн в дворянской академии и замке. Затем я сказал им, что хочу узнать о её трудах в храме, и они постепенно начали рассказывать мне о ней.

«И это всё, что нужно? Как просто».

Было почти разочаровывающе легко быть принятым служителями, и я начал получать от них всевозможную информацию. Простолюдины оказались более разумными, чем я думал, и они очень уважали госпожу Розмайн, в отличие от циничных дворян. Но по сравнению с дворянами они не так хорошо разбирались в ведении информационной войны, и им не хватало осторожности. Для меня было простым делом завоевать их доверие.

«Теперь, когда я завоевал доверие служителей и сирот в храме, мой сбор информации шёл гладко. Возможно, теперь я смогу завоевать доверие госпожи Розмайн?» — с этой мыслью я продолжил собирать информацию. Вернувшись же домой, я принялся за её обобщение. Проанализировав множество милосердных дел, проявленных госпожой Розмайн ещё до крещения, а также все новшества, внедрённые ею, я кое-что понял:

— Почему самые ранние из рассказов уходят в прошлое не далее чем на год до крещения госпожи Розмайн?

До этого ничего не упоминалось. Даже если именно тогда она начала спасать сирот, её слуги ничего не говорили о её прежней жизни. Госпожа Розмайн так много сделала за тот короткий сезон, который она провела в дворянской академии, поэтому трудно было поверить, что она так долго оставалась незамеченной. Это было слишком неестественно.

«Может быть, её не было в храме?», — предположил я.

Если так, то отсутствие информации было вполне объяснимо. В таком случае, нельзя не задаться вопросом, где выросла госпожа Розмайн. Корнелиус сказал, что он даже не знал о её существовании до самого крещения госпожи Розмайн. Из инцидента, который привел к её погружению в юрэве, также стало ясно, что она не была близка со своими родственниками по материнской линии.

«Ни дом её отца, ни матери и даже не храм? Тогда где?»

Мне вдруг пришло на ум ностальгическое и дружелюбное выражение лица госпожи Розмайн, которое она иногда показывала, разговаривая с торговцами.

«Не может быть. В нижнем городе?»

Даже мне эта теория показалась невозможной. Однако она также отвечала на многие вопросы. Особое внимание госпожи Розмайн к общению с простолюдинами, её поведение, позволяющее им обмениваться мнениями как равным, её здравый смысл и образ мышления, не соответствующий дворянскому, её благословения, так отличающиеся от благословений обычных дворян.

«Ни в коем случае. У неё слишком много магической силы, чтобы быть обычной простолюдинкой».

Не может быть, чтобы у простолюдина было достаточно магической силы, чтобы стать приёмной дочерью герцога. Я знал о людях с пожиранием, простолюдинах, рождающихся с магической силой, но они не могут выжить без детских магических инструментов. Кроме того, начало таких направлений, как печатное дело, было бы невозможным, если бы госпожа Розмайн была простолюдинкой. Возможно, взрослый торговец мог бы выслушать священницу-ученицу, у которой есть связи с дворянами. Однако трудно было поверить, что они могли бы воспринять слова простолюдинки всерьёз. Они скорее украдут идеи для собственной выгоды.

«Это даже не учитывая этикет, образование и оценки госпожи Розмайн. Она с отличием проходит обучение в дворянской академии».

С точки зрения логики, трудно поверить, что госпожа Розмайн — простолюдинка. И всё же я не мог не чувствовать, что эта гипотеза верна.

«Допустим, она действительно рождена простолюдинкой. Что случилось с её предыдущей семьёй? Их уже убили? Может быть, они работают на её любимую компанию?»

Я продолжил свое расследование в храме, ища любую информацию, которая могла бы подтвердить или опровергнуть мою гипотезу. Я нашёл двух простолюдинов, у которых были странные отношения с храмом. Солдат Гюнтер и его дочь Тули. Похоже, что госпожа Розмайн однажды разрешила им свободно посещать храм, чтобы отводить сирот в лес и учить их. Гюнтер до сих пор поддерживает с госпожой Розмайн связь, сопровождая её в малый храм в Хассе. Тули также является её личной мастерицей украшений для волос.

«Могут ли они быть её родственниками?»

Мне удалось продвинуть свою гипотезу чуть дальше, но не сделать никаких выводов. Возможно, Тули была просто послана компанией «Гилберта», и именно так Гюнтер оказался втянут в это дело. Новой информации, подтверждающей мои выводы, не было. Даже наоборот, достижения и знания госпожи Розмайн казались чрезмерно выбивающимися из общего ряда её предполагаемой семьи. Всё труднее становилось поверить, что они действительно вырастили госпожу Розмайн. Время продолжало стремительно идти без каких-либо доказательств, подтверждающих родство с госпожой Розмайн.

— У меня нет выбора. Я должен попросить господина Фердинанда проконсультировать меня по поводу моих исследований о госпоже Розмайн.

Я решил попросить о встрече с господином Фердинандом в храме. Как её опекун, он должен как-то отреагировать на мою гипотезу. Будь то простое отрицание, подтверждение или попытка сокрытия информации, его реакция, несомненно, приблизит меня к истине. Я начал собирать материал для исследования, чтобы подготовиться к встрече. Господин Фердинанд велел мне приходить через три дня.

***

— Прощу меня извинить, после обеда у меня назначена встреча. Я должен отчитаться перед господином Фердинандом о своих результатах по исследованию госпожи Розмайн.

— Не думаю, что тебе обязательно нужно сообщать об этом, — с отвращением на лице сказала госпожа Розмайн.

— Главный священник уже принял его и назначил встречу, — улыбаясь, отметил Фран.

Тем временем меня позвал Зам.

— Господин Хартмут, мне проводить вас в кабинет главного священника? Или вы планировали вернуться домой и взять с собой своего слугу? Если вы собираетесь вернуться, вам следует

поторопиться, иначе вы рискуете пропустить назначенную встречу.

Нельзя посещать других людей без сопровождения. Одолжить служителя в храме менее хлопотно, чем идти домой и брать с собой слугу. После обеда я попросил Зама проводить меня в кабинет главного священника.

— Я привёл господина Хартмута.

Я был уверен, что сегодня моё изучение продвинется вперёд, и стоял перед дверью в кабинет главного священника в приподнятом настроении. Зам позвонил в маленький колокольчик, возвещая о моём прибытии: обычно дверь открывает служитель главного священника.

Но вместо слуги главного священника из-за приоткрытой двери появился господин Экхарт. Похоже, сегодня господин Экхарт охранял дверь, как Ангелика.

— Да, господин Фердинанд рассказал мне о планируемой встрече. Входи.

Я вошёл в комнату, думая о странности произошедшего изменения, как вдруг почувствовал, что меня схватили за руку. Что? В долю секунды мои ноги были оторваны от земли. Перед глазами всё закружилось. К тому времени, как я ощутил силу удара, господин Экхарт уже прижимал меня своим весом со спины. Не успел я вдохнуть, как в поле моего зрения появилось острое лезвие. Чуть позже я увидел, что мои исследовательские материалы с шуршащим звуком рассыпались по полу.

— А!..

— Не слишком ли ты беспечен после получения опасной информации?..

Прямо перед моими глазами появился клинок. Господин Экхарт держал меня, с оружием наготове, и у меня непроизвольно сжималось горло. Я покрылся холодным потом от его ауры, заставлявшей меня бояться даже вдохнуть.

— О боги, боюсь, твои важные документы разбросаны.

Господин Юстокс подобрал разбросанные материалы и собрал их. Кажется, он начал перекладывать их по порядку, с интересом рассматривая содержимое. Господин Фердинанд с отвращением выдохнул, наблюдая за мной со своего стола.

— Возможно, это полное отсутствие осторожности досталось тебе в наследство от твоей госпожи, но её свита должна была это компенсировать. Зам, ты можешь закрыть дверь и уйти.

— Прошу меня извинить.

Именно тогда я впервые вспомнил о присутствии Зама. Он звучал совершенно невозмутимо, так что он, должно быть, знал, что произойдёт. Хотя я и не могу этого видеть поскольку прижат к полу, но его лицо, вероятно, имело то же выражение, что и обычно. Дверь тихо закрылась и я услышал удаляющиеся шаги: он возвращался в покои главы храма.

Я чувствовал, как кровь отхлынула от моего лица. Я представлял, насколько бледным оно стало.

«Если подумать, Зам и Фран изначально были слугами господина Фердинанда».

— Так вы следили за моими словами и действиями в приюте и мастерской?

— Фран и Зам могут быть служителями, но они всё ещё слуги юной леди. Если они чувствуют что-то, что может угрожать юной леди, то вполне естественно попросить помощи у тех, кто может устранить угрозу.

Это заставило меня понять, что я не признал в служителях людей, способных представлять для меня угрозу — я видел в них только источник информации. Господин Фердинанд холодно посмотрел на меня, а затем кивнул.

— Хм, похоже, ты не настолько глуп, чтобы не понимать, почему оказался в этой ситуации.

Моя догадка о том, что госпожа Розмайн был простолюдинкой, похоже, была верной. Однако господин Экхарт назвал это «опасной информацией». Моим единственным намерением было узнать неизвестную сторону госпожи Розмайн, но тот факт, что приёмная дочь герцога на самом деле была простолюдинкой, является информацией, которую герцогская семья хотела бы скрыть.

«Или, может быть, герцогскую семью тоже держат в неведении?»

Ауб, как её приёмный отец, господин Карстед, как её биологический отец, и господин Фердинанд, как её опекун, конечно, знают правду. Возможно, госпожа Флоренция и госпожа Эльвира тоже. Однако господин Бонифаций по-прежнему проявляет своё неудовольствие по поводу храма. Судя по их реакции в детской комнате и дворянской академии, господин Вильфрид и госпожа Шарлотта, скорее всего, ничего не знают.

«И как поступят с человеком, случайно раскрывшим такой секрет?»

Слова господина Экхарта о том, что я «слишком беспечен», эхом отдавались в моей голове снова и снова. Я должен был понять, насколько опасно моё положение, сразу как пришёл к выводу. Как служащий, отвечающий за сбор информации, я не могу винить их за то, что они посчитали меня не способным оценивать риски.

Господин Фердинанд смотрел на меня сверху вниз, переходя от своего стола к столу для посетителей. Его бледно-золотистые глаза холодны, и в них есть суровость, свидетельствующая о том, что он не будет колебаться и приведёт в исполнение любое наказание.

— ...Не станет ли это проблемой, если исчезнет высший дворянин, последователь члена герцогской семьи? — выдавил из себя я, и господин Фердинанд слегка приподнял бровь, как будто мой вопрос был смешон. Господин Юстокс, который смотрел на мои документы, хихикнул в ответ.

— Будет некоторая шумиха, но приёмная дочь герцога важнее любого высшего дворянина. Господин Леберехт замнет ситуацию. Верь в своего отца.

— Разве ты, будучи высшим дворянином, не должен осознавать, что случается с теми, кто переступает границы?

Я представил себе, как мой отец сосредоточенно пытается уладить ситуацию, бормоча при этом недовольное: «Какое неудобство...» Не сомневаюсь, он с лёгкостью отмахнётся от собственного сына, если сочтёт моё поведение пагубным для его госпожи.

— Что скажет госпожа Розмайн, если один из членов её свиты исчезнет? Она незамедлительно отправилась на спасение госпожи Шарлотты, несмотря на то, что они были едва знакомы.

— Розмайн, возможно, равнодушна к своим младшим братьям и сёстрам, но не надейся, что это относится к тебе. Похоже, она чётко расставила приоритеты в своей голове.

Голос господина Экхарта раздался надо мной, заставив меня потерять дар речи.

— Розмайн считает своей первоочередной задачей защиту связанных с ней простолюдинов. Она понимает, что эти люди окажутся в опасности, если её секрет будет разглашён. Розмайн примет любое наказание, которое ты можешь получить, каким бы необоснованным оно ей ни показалось.

Господин Фердинанд, должно быть, внушил госпоже Розмайн, что она должна отдавать предпочтение простолюдинам. В таком случае логично, что он хочет, чтобы как можно меньше людей знали секрет манипулирования госпожой Розмайн. Это увеличивает вероятность того, что госпожа Флоренция и госпожа Эльвира не подозревают об этом. Но, несмотря на всю свою осторожность, он до сих пор не убил меня.

— ...Господин Фердинанд, вы хотите, чтобы я что-то сделал?

Если бы он хотел только моей смерти, он мог бы сделать это, когда я вошёл в комнату, и избежать этого разговора. Пытался ли он выудить из меня какую-то информацию? Господин Фердинанд ухмыльнулся.

— Я попросил Юстокса следить за каждым твоим шагом после того, как услышал отчёт о том, как изменился стиль твоих вопросов. Если бы ты скопировал, спрятал или передал эти документы кому-либо ещё, ты бы умер больше месяца назад..

Я даже не подозревал, что за мной наблюдают.

Холодный пот струился по моей спине. Несмотря на то, что эта троица была объектом бесконечной ненависти госпожи Вероники, им удалось переломить ситуацию и заточить её в Белую башню. Я был потрясён, увидев лишь часть их возможностей.

— Я считаю, что после того, как тебя свяжут договорной магией, ты будешь пригоден для выполнения грязной работы.

Господин Фердинанд велел мне работать под его началом, любыми способами устраняя опасности, угрожающие госпоже Розмайн, любыми средствами. Я слегка приподнял брови.

— Я готов служить госпоже Розмайн, устранять любые угрозы для неё и выполнять грязную работу. Я даже хотел бы получить ваши наставления. Однако я не могу согласиться работать под вашим началом, господин Фердинанд, ради этой цели. Моя хозяйка — исключительно госпожа Розмайн.

— Я восхищаюсь твоим духом, но уверен ли ты, что понимаешь своё нынешнее положение? Если ты пока не хочешь встретиться с богами, я предлагаю тебе принять договор с господином Фердинандом. Только не говори мне, что ты действительно думаешь, что секретные разговоры, не связанные договорной магией, никогда не просочатся наружу, так ведь?

Господин Юстокс говорил насмешливо, прищурился своими карими глазами. Не знаю, где он этому научился, но он в точности повторил мои слова Трауготту, и я издал непроизвольный стон.

— Не возражаю, если ты откажешься. Тогда мы просто покажем на твоём примере всем дворянам, что бывает с теми, кто ввязывается в то, во что не следует вмешиваться. Так их будет легче отогнать от храма. Положение служащего-ученика из высших дворян в свите герцогской семьи очень полезно для этой цели.

Холод его глаз ни разу не дрогнул, не показав ни малейшей слабости. Он мог убить меня в любой момент, когда захочет, и был готов это сделать. Я должен был сдаться. Я хотел служить госпоже Розмайн, а не быть убитым господином Фердинандом как пример. Три года назад я решил служить госпоже Розмайн, но меньше года прошло с тех пор, как я вошёл в её свиту. И я даже не завоевал её доверия — я не могу позволить себе умереть.

— Каковы детали магического договора? Если моё присутствие когда-нибудь станет вредным или опасным для госпожи Розмайн, я выберу смерть здесь и сейчас.

— По сути, ты пообещаешь никогда не предавать Розмайн, а также действовать как мои руки и ноги.

— Я не предаю госпожу Розмайн, даже если не буду связан договорной магией. Я также не против работать в качестве вашей пешки, так как это будет полезным опытом. Однако я откажусь от ваших приказов, если сочту их вредными для госпожи Розмайн..

Я не намерен причинять вред госпоже Розмайн, даже если меня сожжет золотое пламя, которое появляется при нарушении договорной магии.

Господин Фердинанд кивнул на моё заявление.

— Мы можем добавить эту строчку. Самое главное, чтобы у Розмайн был член свиты, который не сможет её предать.

Господин Фердинанд легко согласился и добавил предложение в договорный документ.

— И ты никогда не должен говорить Розмайн о том, что знаешь, прежде чем заслужишь её доверие.

— Почему?

Я надеялся завоевать её доверие, рассказав ей то, что знал, и при этом искренне служа ей. Я поднял бровь, когда мне запретили это делать.

— Розмайн по своей натуре не дворянка, а простолюдинка, имеющая множество слабостей. Она будет думать о том, как заставить тебя молчать, повлияет ли это на нижний город, и что делать, если её секрет распространится среди дворян.

Похоже, госпожа Розмайн отчаянно старалась избегать опасности для простолюдинов.

— Если она перегружена и ей не с кем поговорить, она может сломаться, выйти из себя непредсказуемым образом или заболеть от чрезмерных размышлений. У тебя будут серьёзные проблемы. Если ты не проявишь осторожности, нам придётся убить всю её дворянскую свиту, которая входила в храм.

— Убийство такого количества людей потребует изрядного количества работы и подготовки, чтобы всё выглядело как несчастный случай или не слишком подозрительное происшествие. Я полагаю, придётся послать Экхарта, чтобы завершить работу.

— Какая неприятность. Хартмут, тебе лучше не облажаться.

У господина Фердинанда и его окружения довольно опасные мыслительные процессы, впервые осознал я. Меня привёл в ужас тон голоса, свидетельствующий о том, что у них есть опыт в подобных операциях. Возможно, было бы неплохо ещё раз проанализировать прошлые несчастные случаи и инциденты.

— Вы так говорите, но... Значит, я смогу говорить на эту тему только после того, как завоюю ее доверие? Как я могу измерить степень её доверия?

Я хочу, чтобы госпожа Розмайн знала, что я служу ей, зная её секреты. Кроме того, я был бы рад, если бы у меня были какие-то критерии, по которым можно было бы понять, что я заслужил ее доверие.

— ...Хм. Когда тебя пригласят в потайную комнату в кабинете директора приюта, всё должно быть в порядке.

— Потайная комната в кабинете директора приюта?

— Да. Там проходят самые важные обсуждения Розмайн... Из её дворянской свиты туда допускается только Дамуэль.

Слова господина Фердинанда меня несколько рассердили. Я хотел, чтобы меня ценили больше, чем Дамуэля. Наверное, он тоже знал её секрет.

— Дамуэля ценят, поскольку он знает её секрет. Так как я тоже знаю...

— Нет, это не так. В отличие от тебя, Дамуэля не нужно было вот так захватывать в плен и заставлять подписывать магический договор. Вот насколько он надёжен.

Я расширил глаза, понимая, что Дамуэль завоевал доверие не только госпожи Розмайн, но и господина Фердинанда.

— Дамуэль не сует нос в чужие дела из любопытства и способен при необходимости заткнуть глаза и уши. Кроме того, он не мешает общению юной леди с простолюдинами. Также, он внимателен к окружающим и протягивает руку помощи, когда это необходимо.

Господин Юстокс рассказал о различиях между мной и Дамуэлем, отмечая, что мне можно доверять только в рамках договорной магии. Господин Экхарт, который всё ещё держал меня, согласился.

— Корнелиус и остальные выполняют приказы рыцаря из низших дворян, потому что доверяют Дамуэлю. Кроме того, ты опаснее рыцаря из низших дворян. Договорная магия необходима.

Так, я подписал договор с господином Фердинандом, содержащий 3 условия: «Я не предаю госпожу Розмайн», «Я буду подчиняться господину Фердинанду до тех пор, пока это не повредит госпоже Розмайн» и «Я не буду говорить с госпожой Розмайн о её секретах, пока она не позволит мне войти в потайную комнату в кабинете директора приюта». Мне разрешили встать, чтобы подписать договор, но господин Экхарт всё это время держал оружие у моей спины. Это лишь напомнило мне о недоверии.

После того как золотое пламя поглотило договор, они полностью освободили меня. Я продолжил обсуждать с господином Фердинандом и господином Юстоксом своё исследование о госпоже Розмайн, которое и было целью моего визита.

— Если подумать, в госпоже Розмайн есть что-то странное, что нельзя объяснить только тем, что она происходит из простолюдинов...

Когда я упомянул о разнице, которую заметил по сравнению с обычными простолюдинами, господин Юстокс посмотрел на господина Фердинанда с взволнованным выражением лица:

— Так-так. Это действительно странно.

— Знаете ли вы причину? Или у вас есть идеи, почему?

Господин Фердинанд повернулся, посмотрел на господина Юстокса и на меня, затем бросил на стол документы по исследованию и встал. Он прошёл прямо к своему столу.

— Поскольку вы служащие, вы способны проводить собственные исследования. О, и не забудьте учесть цену, которую придётся заплатить, если вы переступите границы.

Это ударило по больному месту. Мы с господином Юстоксом обменялись взглядами.

***

Примерно через полтора года после заключения магического договора мне наконец-то разрешили присутствовать в потайной комнате в кабинете директора приюта.

— Не стесняйтесь делиться со мной чем угодно, госпожа Розмайн, ведь я знаю, что вы родом из простолюдинов, что вы дочь Гюнтера и что вы знакомы с Бенно с тех времён.

«Заслужу ли я теперь её доверие?»

В последнее время она всё чаще обращалась ко мне за советом, поэтому я думал, что мне доверяют больше, чем другим посвятившим имя. Теперь, когда я поговорил с ней о её тайне, я наконец-то сравнялся с Дамуэлем. Это лишь вопрос времени, когда я его обойду.

«Надеюсь, когда-нибудь госпожа Розмайн станет доверять мне больше, чем господину Фердинанду, который уже уехал в Аренсбах».

При этой мысли мне сразу вспомнилось, что, когда меня зовут «главным священником» и госпожа Розмайн поворачивается ко мне, она каждый раз выглядит слегка разочарованной. Мне предстоял ещё долгий путь, но я добрался до потайной комнаты в кабинете директора приюта. Это было шагом вперёд.

Хотя я был доволен этим, я был поражен её общению с торговцами.

«В эту потайную комнату нельзя пускать тех, кто не знает о том, что госпожа Розмайн происходит из простолюдинов».

Она обращалась к торговцам даже более фамильярно, чем с господином Фердинандом. Госпожа Розмайн зовёт Бенно «господином», несмотря на то, что он простолюдин, и даже вежлива с его слугой Марком.

«Не думал, что есть ранг выше господина Фердинанда».

Мне предстоит ещё долгий путь, прежде чем я смогу стать последователем, которому госпожа Розмайн доверяет больше всего.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/3495677>